

Научное приложение. Вып. СССХLI

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
1. <i>Введение в поисках предмета: Крылья Европы</i>	11
2. <i>Иная свобода: Пушкин и Токвиль</i>	21
Работа путешествия	22
Восстание американцев	26
Точка отправления	31
Белая доска	35
Русский колумбарий	37
Просвещение иль тиран	41
Петровская революция	43
Дела и вера	47
Мнение народное	52
Добровольный остракизм	57
Малая свобода	61
Жить после	64
Странствие и путешествие	67
Возвращение	69
3. <i>Секс и секты в телах и текстах:</i>	
<i>Где был Рахметов, пока не вернулся Шатовым</i>	73
Открыть Америку	74
Совершенство	77
Жить не кончая	83
Американский коммунизм в России: Иван Григорьев	85
Американский коммунизм в России: Николай Чайковский	91
Избирательное сродство	96
Что делать? Видеть сны	103
Что делать? Ехать в Америку	107
Русский коммунизм в Америке: Вильям Фрей	112
Суд над браком	118
Путней и Putney	125
Духовные жены: новая Америка, свободная Россия	130
Самые революционные люди в Европе	133
Отец Ноэс	139
Чайковский и шейкеры	142

4. Многообразие религиозного экстаза:	
Прагматизм в духовной академии	148
Философы	148
Пророки	151
Богословы	156
В складке	160
Психологи	167
Экзорцизм	173
Предтеча формальной школы	178
5. Другое — это соблазн: Попутчики и fellow-travelers	183
Троцкий	184
Есенин	191
Маяковский	194
Хуренито и другие	200
Пильняк	204
Ильф и Петров	209
Токвиля среди них не было	213
Свет с востока	220
Билет в оба конца	226
От Рида до Буллита	230
Любовь и революция	234
Макс Истмен	240
Джон Дьюи	245
Уолтер Дюранти	251
Новая Россия	255
Эдмунд Уилсон	259
Новый курс	265
Давать и давать	270
6. Подражание дьяволу: Уильям Буллит в истории Михаила Булгакова	276
От Вильсона к Фрейду	276
Imitatio Christi	281
Быть с русскими как дьявол	284
Бал сатаны в Спасо-хаусе	289
Чего не знала Маргарита	293
Вмешательство высших сфер	296

Велено унести вас...	301
Эксперименты в варьете	303
Сага об иностранной помощи	306
«Как причудливо тасуется колода!»	309
<i>7. Потомки Троицкого и пси-наука</i>	<i>313</i>
Фрейдомарксизм	313
В обмен на уроки	318
Новый Лаокоон	320
Эйтингоны	323
Бедная Зина	325
Принкипо	328
Чистка сверху вниз	333
Секс и революция	336
Короткое замыкание истории	342
Инцест и ностальгия	347
Электра	353
Конец	361
Кронфельд	362
<i>8. Память как протест: Айн Рэнд и Ханна Арендт</i>	<i>369</i>
Алиса из Страны Чудес	369
Объективизм: философская утопия	374
Синдром Айн Рэнд	379
Тоталитаризм: политическая антиутопия	385
Работа и действие	391
Диссидентство технократа	395
Последняя стачка	401
Неначатый спор	407
<i>9. Авторство под луной: Пастернак и Набоков</i>	<i>410</i>
Разговор прозаика с поэтом	410
Ревность равных	415
Похвала комментариям	417
Праотцы вместо отцов	420
Страшное стекло	426
Говорящий немой	434
Читали ли они друг друга?	437
Тебе свой труд передаю	443

Размножение автора	447
Положение все-таки отвлеченное	453
Ангелы с крыльями бабочек	458
Лолиты и Лоты	461
Самоосуществления метафор	466
Кто написал Доктора Живаго?	468
Передовое дворянство	470
Базедова болезнь	475
Подлинная жизнь сводного брата	477
Роман с властями	482
Падограф	486
Жизнь как комментарий	489
Поприще	492
Новый свет, лунный свет	495
Игральное поле сатаны	502
Селенограф	507
История с географией	513
Тутопия	516
<i>10. Заключение в поисках метода: Новый историзм</i>	<i>522</i>
Разговор с мертвыми	522
Вперед в историю	529
Конец архива	538
Страсть и власть	542
Ссылки и отказы	549
Тела и тексты	553
Невидимые памятники	558
Сильные очитки	562
Логоцентричные структуры	570
Борьба текстов за осуществление	573
Тексты и институты	579
Текстовые акты	582
Теория	585
<i>Указатель имен</i>	<i>589</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я рад, что мои книги бурных 1990-х (сюда я причисляю и эту, вышедшую в 2001-м) продолжают вызывать интерес, читаться и переиздаваться. Но такое переиздание — интеллектуальный вызов. Пересматривая «Толкование путешествий», я будто разговаривал с собой, каким был двадцать лет назад. Честно сказать, такое общение вызывает множество противоречивых чувств, от гордости за былую ученость до желания переписать все заново, лучше и проще, без модных тогда красотостей. Но практиковавшийся мной в то время, начиная с «Эроса невозможного» (1993), метод представления культурной истории через что-то вроде «сравнительных жизнеописаний» оказался вполне жизнеспособным, и у него нашлось немало последователей. Думая об этом сегодня, я нашел частичное объяснение моим тогдашним исканиям в послесловии С.С. Аверинцева к «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха: «В свою „трагическую“ эпоху греки биографий не писали <...>. Рождению биографического жанра сопутствовала более или менее явственная атмосфера скандала»¹. Межкультурные сравнения основаны на понимании и внутренней целостности культуры, и ее открытости изменениям, влияниям и «скандалам». Подобно этому и сравнительные жизнеописания требуют умения различать в отдельной биографии, как писал Аверинцев, «связность и цельность своего сюжета», но также и видеть взаимозависимость этих сюжетов, перекрывающую эпохи и океаны.

¹ Аверинцев С. С. Добрый Плутарх рассказывает о героях... // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. М.: Наука, 1994. Т. I. С. 637.

Главы этой книги очень разные, и достигнутые мною компромиссные решения в ее переработке — толковании моих собственных путешествий — тоже оказались разными. Я радикально переработал 7-ю главу (дочь Троцкого), и благодарен моему земляку и коллеге Никите Елисееву за то, что в давней рецензии он когда-то подсказал мне новый поворот темы. Перечитывание 8-й главы (Арендт и Рэнд) дало мне случай почувствовать, как сильно изменились мои собственные взгляды, поэтому эта глава тоже подверглась сильной переделке. Из 6-й главы (Буллит и Булгаков) с тех пор выросла целая книга, вышедшая на трех языках. Ее саму уже пора переписывать, но эту главу я оставил как была. Однако я немного сократил текст и заострил аргументы 9-й главы, самой большой и, возможно, самой спорной в этой книге (Пастернак и Набоков).

Я искренне благодарен Маше Братищевой, Жюли Реше, Анастасии Григоровской и Артемию Магуну, которые прочли переделанные главы и помогли мне своей критикой. Спасибо и двум редакторам этого издания, Юлии Рыкуниной и Михаилу Трунину, за серьезную и тщательную работу с текстом.

1. ВВЕДЕНИЕ В ПОИСКАХ ПРЕДМЕТА КРЫЛЬЯ ЕВРОПЫ

Эта книга об истории, литературе и политике двух великих стран на протяжении двух веков. Имея дело с океанической по масштабу темой, книга не претендует на ее охват и картирование. Разные главы берут пробы из разных мест в надежде, что в капле воды — океан. Каждая глава сравнивает между собой две фигуры по разные его, океана, стороны. Читатель заметит тех, кто переходит из главы в главу, они-то и есть главные герои этой книги.

Россия и Америка никогда не были между собой в состоянии войны: уникальный факт в отношениях между великими державами. Географ знает, что две страны гораздо ближе друг к другу, чем это кажется из их столиц. Политолог наблюдает циклы симпатий и антипатий, регулярно возникающих между двумя народами. Историк помнит моменты близости, каких у этих стран не было ни с какой другой: поддержка имперской Россией американских сепаратистов во время Войны за независимость; продажа Америке большей части российской территории в 1867 году; присутствие российского флота в знак поддержки Севера во время Гражданской войны в Америке; присутствие американских войск во время Гражданской войны в России; боевой союз, решивший исход Второй мировой войны; холодная война, по-своему приблизившая две культуры друг к другу.

Сравнение этих двух стран, народов или национальных характеров настолько распространено, что интереснее следить не за тем, как оно попадало от одного автора к другому, но за тем, насколько разные функции оно выполняло

у разных авторов. Одним из первых сходство обнаружил русский дипломат Павел Свиньин, потом им стали увлекаться радикалы. Александр Герцен начал свое творчество с «Уильяма Пена», восторженно рассказавшего об эмиграции пуританского проповедника из Англии в Америку. После собственного, не менее драматичного, бегства в Англию Герцен мечтал о переносе центров цивилизации на берега Тихого океана, который стал бы «Средиземным морем будущего»¹, окруженным великими городами Калифорнии и Сибири: возможно, и стал бы, если бы революция на одном из его берегов имела иной исход. Такие сравнения часто занимали европейских наблюдателей, которые приходили, однако, к полярно различным выводам. Алексис де Токвиль представил демократическую Америку и царскую Россию как симметричные, непреодолимо различные реальности, между которыми должна сделать свой выбор Европа: «В Америке в основе всякой деятельности лежит свобода, в России — рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира»². Наоборот, Мартин Хайдеггер видел в обеих странах проявления одних и тех же начал: «Европа зажата в больших клещах, стиснутая Россией с одной стороны и Америкой с другой стороны», и вообще «большевизм — это всего лишь вариант американизма»³. Следуя этой логике, выходец из России и учитель новых французских философов Александр Кожев тоже считал, что «Соединенные Штаты уже достигли финальной стадии Марковского коммунизма»⁴. Оптимистичный вариант той же хайдеггеровской метафоры уподобляет европейскую цивилизацию птице с двумя крыльями, Америкой

¹ Герцен А. Америка и Сибирь // Собрание сочинений: В 30 т. М.: Наука, 1954–1965. Т. 19. С. 398–399.

² Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. В.П. Олейника и др. М.: Прогресс, 1992. С. 296.

³ Heidegger M. An Introduction to Metaphysics. New York: Anchor Books, 1961. P. 30.

⁴ Kojève A. Introduction to the Reading of Hegel. New York: Basic Books, 1969. P. 160.

и Россией; работая по отдельности или вместе, они поддерживают полет общего тела.

В 1920-х Россия переделывала себя в подражание Америке; вернувшись из Москвы в 1928 году, американский писатель Теодор Драйзер рассказывал, что «ни одна страна никогда не была в таком восторге от другой, как сегодняшняя Россия — от Соединенных Штатов»¹. В 1930-х Америка столь же поверхностно подражала России; еще только следуя через океан в 1935-м, американский литератор Эдмунд Уилсон уже знал: «Советский Союз изо всех европейских стран имеет с нами больше всего общего» — больше, чем Англия². В 1940-х две страны сражались вместе, несмотря на глубочайшие свои различия; в 1944 году гарвардский профессор Питирим Сорокин писал о «конгениальности» Америки и России, или «существенном сходстве их психологических, культурных и социальных ценностей»³.

Конгениальность остается в области воображаемого, подобно крыльям Европы или мосту (туннелю) через Берингов пролив, который, впрочем, наверняка будет построен. Нуждаясь в Другом как образце или утешении, воображение интеллектуалов переносилось через океаны легче их тел. Американец Эдгар По в своих воспоминаниях выдумал свое путешествие в Петербург в 1820-х (на деле туда путешествовал его брат)⁴; его русский современник Федор Толстой по прозвищу «Американец» выдумал свое путешествие в Америку. Но реален и весом вклад в американскую цивилизацию множества выходцев из России — от русских казаков, осваивавших Аляску и Калифорнию, до русских евреев, создавших интеллектуальный Нью-Йорк и артистический Голливуд. Менее заметное, но важное влияние оказали американские образцы на русских писателей от Радищева

¹ *Dreiser T.* Dreiser Looks at Russia. New York: Liveright, 1928. P. 53.

² *Wilson E.* Travels in Two Democracies. New York: Harcourt, 1936. P. 161.

³ *Sorokin P.A.* Russia and the United States. New York: Dutton, 1944. P. 26.

⁴ *Grossman J.D.* Edgar Allan Poe in Russia: A Study in Legend and Literary Influence. Würzburg: Jal-Verlag, 1973; *Лавров А.В.* Эдгар По в Петербурге: Контуры легенды // Символисты и другие. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

до Пелевина; в нескольких самых известных произведениях русской литературы герои уезжают в Америку или возвращаются оттуда. От Чернышевского до Набокова мы проследим более утопическую, но в рамках литературы вполне осуществленную мечту о слиянии двух стран и культур. В течение двух столетий многие проекты русских реформ, среди них самые провальные и самые успешные, находили свои образцы в Америке. Менее известны симметричные попытки левых американцев представить сталинскую Россию в качестве модели для рузвельтовской Америки. За всем этим стоит большой, многовековой спор о Просвещении и свободе: по разные стороны океанов и на основе разных традиций люди склонны возвращаться к близким идеям. Читая у философов Франкфуртской школы, что «Просвещение тоталитарно»¹, вспомним пушкинское:

Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран².

Дипломаты писали о русско-американских отношениях в своих терминах, политики в своих, а экономисты в своих. Историку культуры тоже нужны свои термины. У меня нет большой теории транскультурного восприятия, и я не верю, что она возможна. У каждой культуры есть образ Другого, выполняющий свою роль в игре значений и интересов, которые определяют ее восприятие себя. Простейшей из схем является различие между *ассимиляцией*, когда культура стремится отождествить себя и Другого, и *диссимиляцией*, когда культура их различает и противопоставляет. Культурные субъекты применяют ассимилятивные тропы в разных риторических целях. Так, русские миссионеры XIX века называли секты, с которыми должны были работать, «русскими мормонами» или «русскими квакерами»: таким способом их

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М.: Медиум, 1997. С. 20.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 3, кн. 1. С. 333.

можно было, с одной стороны, понять по аналогии с прочитанным в книгах и, с другой, обвинить в инородном происхождении. В своей знаменитой антиутопии англичанин Олдос Хаксли дал суммарный образ двух нелюбимых им режимов, русского и американского. Дивный новый мир напоминает Советы в развитии, но его отцом-основателем сделан Генри Форд, который и правда был популярен в обеих странах. В противоположность этому диссимилятивные тропы настаивают на различиях даже тогда, когда занимаются очевидным сходством. Посетив Генри Форда, Ильф и Петров отметили, что в Америке и в России одного и того же человека ценят по-разному: советские люди поклоняются техническим достижениям Форда, американцы — его финансовому успеху¹.

Каждый тревелог находит свой, всегда неустойчивый и рискованный, баланс между двумя силами: диссимилятивные тропы вызывают у читателя недоверие, ассимилятивные тропы вызывают скуку. Дэвид Юм писал, что если путешественник, вернувшись из далеких стран, станет рассказывать о совершенно необычных, совсем отличных от нас людях, мы тотчас же почувствуем фальшь в этом рассказе и решим что он лжет². Таково ассимилятивное давление на рассказчика. Но обладавший большим опытом Алексис де Токвиль говорил прямо противоположное:

Когда я думаю обо всех тех усилиях, которые делаются и по сей день для того, чтобы судить об одних, опираясь на то, что известно о других, <...> мне хочется сжечь все мои книги³.

Это пример диссимилятивного напряжения.

Все же различия всегда интереснее сходств; в надежде на другую жизнь люди и отправляются в далекие края. У русских эмигрантов так же, как у французских

¹ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. М.: Правда, 1989. С. 245.

² Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения. М.: Мысль, 1966. Т. 2. С. 85.

³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 229.

путешественников и немецких беженцев, восхищение приютившей их демократией легко переходило в критику ее неподлинности и пошлости. Классическая любовь к свободе смешивалась с романтическим изобретением под названием *ностальгия* и с модернистской идеей текста, меняющего мир. Путешествуя по юной демократической Америке, Токвиль описал ее языком первооткрывателя, иногда восторженным, иногда брезгливым. В другом веке Владимир Набоков заставил другого француза повторить примерно тот же маршрут, сосредоточив брезгливость на демократической Америке, а восторг на юной американке. Сполна используя ту же амбивалентность, русская беженка Алиса Розенбаум стала американской писательницей Айн Рэнд, завоевав головокругительную популярность критикой послевоенных администраций, которые казались ей повторяющими мрачный пример Советской России.

Критический потенциал свежей точки зрения невоспроизводим сознательными усилиями остранения; вот почему опыт европейских и, в частности, русских эмигрантов оказывался с энтузиазмом востребован Америкой. Стороной той же медали является тяготение интеллектуалов к радикально иной реальности, которая кажется более первичной и подлинной, чем своя собственная. Начиная с Гегеля, западная традиция полна спекуляциями о внутренней неполноте действующего субъекта и о заполнении нехватки образами Другого. Эмиль Дюркгейм рассказывал:

Обмен предполагает, что два существа взаимно зависят друг от друга, потому что оба несовершенны. <...> Образ того, кто нас дополняет, становится <...> интегрирующей, постоянной частью нашего сознания¹.

В более тонких формулировках этой идеи уже слышна ирония.

Человек интенсивно желает <...> бытия, которого, как ему кажется, сам он лишен и которым обладает, как ему кажется, кто-то

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991. С. 63.

другой. Субъект ждет этого *другого*, чтобы тот сказал ему, чего нужно желать, чтобы обрести бытие. <...> Желание принципиально *миметично*¹.

В категориях Жака Лакана неполнота *реального* существует не только внутри субъекта, но и внутри Другого. На уровне *воображаемого* они совместимы и, более того, мыслимы как гармоничное целое; на уровне *символического* идентичность каждого члена такой пары создается его отличием, отталкиванием от Другого. «Каждый из них не восполняет нехватку в другом, а, напротив, <...> воплощает то, чего не хватает в другом»².

Влечение к Другому обострялось по мере того, как интеллектуалы перенасыщались собственной культурой, а их неудовлетворенность выпадала в осадок. Предметом интеллектуального влечения оказывался дикий Запад или загадочный Восток, рабочий класс или коллективное бессознательное. Модернистская критика собственной культуры как кажимости основана на вере в чужую подлинность, недоступную уму и взгляду. Соблазн Другого всегда обесценивает собственную культуру, которая представляется ненастоящей и несерьезной. Пытаясь обозначить эти отношения, я предложил искусственное понятие *люкримакс*, составив это слово из его противоположности, симулякра Жана Бодрийера³. Люкримакс есть тяга субъекта к «настоящему» и отрицание им собственной жизни как «неподлинной»⁴. Люкримакс непременно ведет к размножению симулякров: чем сильнее

¹ Жирар Р. Насилие и священное / Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 179.

² Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. В. Софронова. М.: Худож. журнал, 1999. С. 174.

³ Как писал бывший иезуит Мишель де Серто, «симулякр есть то, чем становятся отношения видимого к реальному, когда измельчается огромность Бытия, которая ранее ощущалась лежащей за видимыми явлениями» (*Certeau M. de. The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California, 1984. P. 187*).

⁴ Эткнд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 166.

вера в недоступную подлинность Другого, тем чаще явления собственного мира признаются фальшивыми и пустыми.

Полные миметического тяготения к Другому, американские рассказы о России часто были менее критическими, чем русские рассказы об Америке; тем большие испытания предстояли американцам в этой истории, которая длиннее, чем кажется. Джон Ледьярд искал в екатерининской России новый путь в Америку. Следуя из Парижа, в 1787 году он добрался до Якутска, но там был арестован, под конвоем возвращен в Петербург и выслан из страны. В 1818-м Санкт-Петербург посетили американские квакеры. Побеседовав с императором и, по своему обычаю, молча помолившись вместе с ним, они отправились обследовать местные тюрьмы: так была начата правозащитная деятельность американцев в России. Самым удачливым удавалось открыть русский мир не только для себя, но и для самих русских. В 1885 году Джордж Кеннан опубликовал блестящее исследование сибирской ссылки, из которого русские писатели, например Чехов и Толстой, черпали свое знание отечественной жизни. В иных случаях гости были менее проникательны. В 1944 году магаданские лагеря обследовал вице-президент США Генри Уоллес, и его публичное восхищение не знало границ.

Когда в Америку поехали русские писатели-«попутчики», они обвинили увиденную страну во всевозможных культурно-политических грехах; поехавшие в Советскую Россию американские fellow-travelers писали статьи и книги, энтузиазм которых соперничал только с их наивностью. О русской революции рассказал миру американец Джон Рид. Образец для последующих fellow-travelers, Рид жизнью заплатил за то, чтобы его «Десять дней, которые потрясли мир» стали источником революционного воображения для нескольких западных поколений. В Советском Союзе эта книга, полная любви к революции, десятилетиями (с 1924 по 1957 год) была под запретом. В 1918 году в Москву проследовал Уильям Буллит. Ленин обещал ему разделить Россию на десяток частей в обмен на признание большевиков Америкой. Предложение было отвергнуто президентом Вильсоном. Будь у американских властей больше фантазии, ход XX века был бы

иным. История не знает сослагательного наклонения; но его отлично знают тексты, ею рождаемые и в нее возвращающиеся, но не обязательно ей верные.

Как всегда в мужском мире, движение идей сопровождалось трафиком женщин. Лидером американского анархизма стала русская эмигрантка Эмма Голдман. Идентифицируя себя с героиней «Что делать?», она издавала журнал «Мать-земля», название которого ближе героине «Бесов». Она внесла в движение незнакомые ему ранее террористические методы и в 1919-м была депортирована в Россию, но задержалась там ненадолго. Луиза Брайант, автор «Шести красных месяцев в России» и жена коммуниста Джона Рида, после его гибели вышла замуж за Уильяма Буллита, будущего посла в России и непризнанного пророка холодной войны. Елена Крыленко, сестра наркома юстиции и организатора Московских процессов, была замужем за Максом Истменом, американским издателем и литературным агентом Троцкого. Дочь последнего, Зинаида, не дождалась переезда в Новый Свет. Она покончила с собой в ситуации, насыщенной особенными советскими значениями и при этом напоминающей популярный сюжет американской культуры следующего поколения. Ее письма отцу, сохранившиеся в американском архиве, рассказывают историю необычную и неожиданно трогательную.

Страницы, которые вы сейчас листаете, не исчерпывают этих сюжетов, но завязывают узлы новых историй. Наши путешествия, истолкованные или нет, много раз пересекут границы континентов, эпох или научных дисциплин. Во 2-й главе мы займемся реакцией Пушкина на чтение «Демократии в Америке» и философией свободы. 3-я глава посвящена сексуальной утопии и американским ссылкам в романе «Что делать?» В 4-й главе показано влияние Уильяма Джеймса на богословское исследование русских сект, за которое его автор расплатился духовной карьерой, но вошел в светскую историю. 5-я глава обозревает встречи путешествия советских и американских интеллектуалов как культурную основу того союза, который победил нацизм и привел к холодной войне. 7-я глава рассказывает

о самоубийстве дочери Троцкого. 8-я глава содержит параллельное чтение двух американских авторов, эмигрировавшей из России Айн Рэнд и эмигрировавшей из Германии Ханны Арендт. 9-я глава занимается примерно тем же в отношении двух русских авторов — жившего в Америке Владимира Набокова и жившего в России Бориса Пастернака — в связи с концепциями авторства и жанра. 10-я глава представляет размышления о методе всего произошедшего, отдельными примерами возвращая к пушкинской теме.

Некоторые из глав целиком или фрагментами печатались ранее; все они вновь переписаны и дополнены. Транслитерация следует современным правилам и сложившейся традиции: так, Вудро Вильсона я пишу через «В», а Эдмунда Уилсона через «У». Источники везде, где возможно, цитируются в русских переводах. Если я корректировал их, это оговаривается.

Эти главы писались в течение бурного десятилетия, и наряду с прочим они являются толкованиями моих собственных путешествий этих лет, из Ленинграда в Петербург с заездами в другие столицы и провинции. За создание условий для моей работы над этой книгой я благодарен Woodrow Wilson Center (Washington D. C.), Wissenschaftskolleg (Berlin) и Европейскому университету в Санкт-Петербурге.